
АЛЕКСАНДР АНДРИЕВСКИЙ

Роман с авиацией

Технология авиакатастроф

Александр Андриевский

Роман с авиацией.
Технология авиакатастроф

«Политехника»

2015

УДК 82-3
ББК 84-44(Рус)

Андриевский А. В.

Роман с авиацией. Технология авиакатастроф /
А. В. Андриевский — «Политехника», 2015

Эта повесть о тебе, мой юный романтик, пытающийся вырваться из тесного мирка своего двора на просторы воздушного океана, чтобы за штурвалом боевого самолета или реактивного пассажирского авиалайнера вступить в борьбу со стихией, открыть для себя новые земли и встретить верных, преданных друзей — настоящих мужчин, таких, как ты.

УДК 82-3
ББК 84-44(Рус)

© Андриевский А. В., 2015
© Политехника, 2015

Содержание

Роман с авиацией	5
Часть первая	5
Поступление в спецшколу	5
Медкомиссия	7
Мы – «спецы»	9
«Ратники»	11
Летние лагеря	15
«Крещение»	17
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Александр Андриевский

Роман с авиацией.

Технология авиакатастроф

Роман с авиацией

Повесть

Братьям по штурвалу посвящается

Разговаривая с самим собой, по существу, приходится обозначать себя словом, что крутится в воздухе воспоминаниями ярких солнечных дней, над которыми тяготееет суровый рок.

Часть первая

«Спецы»

Поступление в спецшколу

«Спец!» В этом слове для людей, когда-либо учившихся в спецшколах ВВС, которые были организованы под эгидой Министерства просвещения в основном для ребят, оставшихся после войны без отцов, сосредоточено многое. В них ковался дух будущих авиаторов, ибо раньше были деревянные самолеты, но железные люди, и «каждый Понтий мечтал быть Пилотом». Любовь к авиации, романтика юности, мечты о будущем, которое рисовалось обязательно в виде человека за штурвалом самолета, самостоятельность в принятии решений, интересная работа – сливались воедино. Зачитывались романом о двух капитанах Валентина Каверина, по несколько раз смотрели фильмы об авиации, в одном из которых всенародно любимый актер и певец Марк Бернес, исполняющий роль героя-летчика, сидел за фортепьяно и пел: «В далекий край товарищ улетает...», а в другом – при выполнении испытательного полета он катапультируется из реактивного истребителя. Эти впечатления оставили неизгладимый след в сердцах пятнадцатилетних подростков, чудом выживших в тяжелые, голодные военные годы. Никто не задумывался о том, какая судьба ждет нас в авиации, что принесет нам эта дорога. Мы были романтиками. И очень хотели стать летчиками. И такая возможность появилась – в Свердловске открылась спецшкола ВВС. В послевоенную годину государство вовремя позаботилось о том, чтобы помочь мальчишкам, у которых война забрала отцов, найти свою дорогу в жизни. Такие спецшколы и суворовские училища появились во многих городах России.

Как в те годы выглядел «спец»? Короткая, едва выглядывающая из-под ремня гимнастёрочки, белый (всегда свежий!) подворотничок, узкие голубые погоны с желтым кантом (часто самопальные – из золотистой фольги с орнаментом), темно-синие, неимоверной ширины, тщательно отутюженные, с голубым кантом брюки, начищенные до зеркального блеска ботинки, фуражка с «крабом и крылышками», сдвинутая на затылок. Строгий, сосредоточенный, полный собственного достоинства взгляд, и мелкая семенящая походка. Именно походка указывала на то, что в данный момент «спец» занят чем-то важным. Он в работе. Отвлекать его

нельзя. Он спешит. Но совсем по-другому выглядит «спец», когда он отдыхает, прогуливается в компании друзей по своей территории – «спецбульвару» (суворовцы, как серьезные конкуренты, отсюда изгонялись) – центральному скверу города, где стоит памятник Якову Свердлову, как раз напротив Оперного театра, того самого, где пел Борис Штоколов (тоже бывший «спец»). Воротник его гимнастерки обязательно расстегнут, фуражка по-прежнему на затылке, взгляд небрежно веселый, а походка – походка совсем иная: медленная, ленивая, вразвалочку, ноги ставит, заноса их в стороны, так что штанины брюк закручиваются вокруг ног, заметая мусор и поднимая облако пыли. А так как начальства близко нет, для большего веса в зубах – папироса. И смотрит на проходящих девчонок обворожительным взглядом, словно Винни-Пух, прогуливающийся вокруг дерева, на котором находится дупло с медом. Еще в седьмом классе я обратил внимание на парнишек, уверенно топающих по деревянным доскам «плотники» через реку Исеть – место прогулок городской молодежи нашего города, называвшегося тогда Свердловском. В авиационной форме, офицерской фуражке с «крабом» и в компании самых симпатичных девчонок нашего города. Выяснил кто такие. Оказалось – «спецшкольники»! Учатся три года. А дальше их направляют в военные авиационные училища. «Значит, будут летчиками? О! Это мне подходит». И вдруг говорят, что в спецшколу берут только абсолютно годных по здоровью к летной работе. А в этом я совсем не был уверен.

Неплохо стоял на коньках – вместо школьных занятий постоянно «казачил» и торчал на катке. Для выработки воли вместе с моим школьным другом Геннадием Бокаревым занимались в боксерской секции Дома офицеров, где все ребята имели первый разряд по боксу. Здоровяк Геннадий проходил где-то в полутяжелом весе, я же тянул только на первый полусредний. Но это не мешало нам в свободное от секций время отрабатывать приемы бокса и молотить друг друга до седьмого пота во дворе деревянного дома на краю города, где я жил. Из подручного материала мы смастерили боксерскую грушу, а из деревянных дощечек – лапы, на которых отрабатывали свое мастерство (благо боксерские перчатки у нас были). Однажды, проморгав удар Гены и вовремя не спарировав его лапой, я получил этой, обитой с внешней стороны мягкой тканью из старых штанов деревяшкой, хороший удар в бровь и сразу же стал похож на очковую змею. Глаз проморгался, но синяк еще долго светил и вызывал обидные подначки наших уличных ребят. Но после того, когда кто-то из них увидел нас на ринге в Парке культуры, где мы впервые участвовали в городских соревнованиях, и я выиграл свой первый бой, остряки притихли.

Секцией бокса руководил бывший чемпион России, мастер спорта Георгий Айвазов. Опытнейший тренер, он щадил наше самолюбие и головы и зорко следил за тем, чтобы во время спаррингов разрядники не наставили нам лишних синяков. В секции был действующий чемпион России, перворазрядник Юрий Хохлов, который щедро делился с нами своим опытом, особое внимание обращая на умение работать не только по челюстям, но и по корпусу. Приобретенный опыт очень пригодился нам в дальнейшей жизни. Но об этом потом.

Снова и снова я внимательно приглядывался к «спецам». И мысленно сравнивал себя с ними. Физически крепкие, здоровые ребята, на груди сияет целый иконостас значков спортивных разрядов. Вот они какие, будущие летчики! А я что? Худоба... Но все-таки решил попытать счастья, тем более, что к тому времени случайно познакомился с бывшим учеником нашей школы Володей Новоселовым. Знакомство с ним было как нельзя кстати. Он поддержал меня, помог написать заявление о приеме. Собрав все необходимые документы, я отправился в спецшколу. Отличное настроение мое по мере приближения к школе улетучивалось. Одолевала робость. Как на меня будут смотреть коренные «спецы», когда увидят в стенах своего священного заведения какого-то лопухого юнца?

Первое, что сразу бросилось в глаза, надпись: «Спецшкола ВВС». Что-то внутри задрожало, сердце учащенно забилося. А мимо снуют «спецы» и, оказывается, не обращают на меня никакого внимания. Во дворе, где были установлены спортивные снаряды, одни крутили на

перекладине какие-то замысловатые фигуры, другие на площадке играли в волейбол. А когда я вошел вовнутрь моей будущей обители... Бог мой! Прохлада, какой-то специфический запах. Широкую лестницу, ведущую на второй этаж, охраняли два огромных гипсовых летчика в шлемах и с планшетами. На подставках с колесиками стояли (сразу догадался, хотя и видел в первый раз) два авиационных двигателя, почему-то с вырезанными кусками. Сначала подумал, что эти куски вырваны в воздушных боях. Внутри меня все еще что-то дрожало, язык сделался толстым и непослушным. Если бы у меня в тот момент что-нибудь спросили, уверен, что внятного ответа не получили бы. Когда я более внимательно огляделся по сторонам, то увидел еще около десятка таких же, как я, искателей приключений, робко стоящих по углам. Одно лицо показалось мне знакомым, но только никак не мог вспомнить, где я его видел раньше. Мы радостно кивнули друг другу. Как оказалось впоследствии, это был Юра Лапкин – тоже из нашей школы. Он жил недалеко от меня, в военном городке, где служил его отец. О чем говорили, не помню. Вскоре вышла секретарша и попросила сдать ей все наши бумажки. Еще через полчаса из-за массивной двери приемной прозвучала моя фамилия. Ноги отказывались идти, но надо было проявить решительность, и я шагнул навстречу судьбе.

В большом кабинете за столом сидело несколько человек, многие были в летной форме. Оглядели меня оценивающим взглядом. Потом кто-то из них громко спросил: «Кем хочешь быть?» – Я так же громко ответил: «Истребителем!» – Никто из членов комиссии даже не поднял головы. Изучали мои тройки (были, правда, и четверки, и даже пятерки). Ну, думаю, тут мне и конец. Но вдруг, и как-то спокойно, сказали, что не против приема меня в спецшколу. Может быть, решающим было то, что мой отец погиб на фронте и награжден посмертно орденом Красной Звезды. В школе были ребята с боевыми наградами и знаками о ранениях – круглые сироты – «сыновья полков», воевавшие в действующих частях и партизанских отрядах, – те, которые уже заплатили государству «налог кровью». В школе они пользовались особым уважением.

Для окончательного зачисления в спецшколу ВВС всем нам нужно было пройти летную медкомиссию. Назначили срок прибытия и... отпустили. Не помню, как я очутился за воротами школы. Хотелось петь и кувыркаться. Все встречные «спецы» (они еще не уехали в летний лагерь) казались мне родными.

Медкомиссия

В назначенный день я прибыл в спецшколу. Во дворе уже собралось человек пятьдесят. С трудом построив нас в две шеренги, посчитали по головам, отделили человек двенадцать и отправили в сопровождении офицера в военный госпиталь. Там выдали пока еще не заполненные медицинские карты, на которых красовалось наше фото и названия кабинетов врачей. Тогда я впервые узнал, что у человека есть какие-то «ЛОР-органы», что врачи – невропатологи, окулисты, терапевты – изучают человека по частям. А для чего хирургический кабинет? Резать, что ли, будут? Вроде бы ничего лишнего нет. Пожалуй, вырезать можно только аппендицит. Но ради поступления в спецшколу нужно чем-то поступиться. Ну, раз надо, значит надо! Говорили, что будут проверять на испуг, заставляя пройти по темной комнате, в которой есть яма. Оступился, а на тебя смотрят: как ты? Струхнул, значит, какой из тебя летчик?

Первый кабинет – невропатолог. За столом огромного роста, с лысым черепом, на котором висят очки с толстыми стеклами, что-то пишущий врач. – «Раздевайся!» – не поднимая головы, прогремела команда. Спешно разделся, подошел поближе. Врач как-то оценивающе посмотрел на меня, ощупал, как повар молодого куренка. А у меня мороз по коже. То ли от холода (летом-то!), то ли от этих самых нервов. Колотит, и все тут. Посмотрел на его столик, а там – мама моя! – какие-то щипчики, молоточки и еще что-то блестящее. Увеличенные огромными лупами очков черные глаза гипнотизера врезались в мои: «Носки, пятки вместе, руки

вытянуть вперед, пальцы растопырить, закрыть глаза!» Сколько стоял, не знаю, но очень долго. Я чувствовал, что его взгляд продолжал сверлить мой мозг. Усилием воли, как учили в боксе, я заставил себя поставить «стенку». «Открыть глаза!» – открыл. Он поцарапал какой-то спицей по груди и как рявкнет: «Садись на кушетку, нога на ногу!» – берет молоток и... хрясь меня по колену! Нога самопроизвольно прыгнула вверх, а я чуть не свалился с кушетки. Еще после нескольких процедур он взял со стола мою «побегушку» и, что-то там черкнув, равнодушно сказал: «Одевайся!». Так в моей карточке появилась первая запись: «Годеен без ограничений». Я вспомнил, как в детстве однажды испытал свою выдержку: играя в прятки, я около часа на общей кухне пролежал без движения под железным корытом – меня так и не нашли.

«Ухо – горло – нос» прошел довольно быстро. Смушал только вращающийся стул, с которого после нескольких вращений в разные стороны многие ребята почему-то вываливались. Дело в том, что вместе со мной в кабинете был еще один парень, здоровяк, не в пример мне. Когда его хорошо покрутили в разные стороны, а потом заставили поднять голову строго вертикально, она пошла набок. А когда прямо со стула его попросили встать и пройти по полувице прямо, он почти дошел до двери, но в конце пути его швырнуло в сторону о стену. Тут же спокойно прозвучал приговор: «Не годеен!». Я весь собрался, боясь, что меня так же кувыркнет. Но все обошлось.

Следующим был кабинет хирурга. К этому времени двоих она уже списала. Услышав за дверь: «Следующий!», – вошел. Запах духов и спирта. За столом сидит молодая симпатичная женщина, а у окна стоит еще более симпатичная студентка-практикантка лет девятнадцати. Доктор тщательно ощупала мою голову, как по клавишам рояля, провела рукой по позвоночнику, спросила, не падал ли с деревьев или еще откуда, не попадал ли под машину и не терял ли при этом сознание. Вспомнил, что сознание не терял, не падал (падал конечно, но не сказал). Пришлось пережить и несколько не совсем приятных минут. Поступило предложение спустить трусы до колен. И это в присутствии практикантки! Но ничего не поделаешь – врач есть врач. Но зато в моей карточке появилась последняя запись: «Годеен без ограничений».

Ура! Я прошел летную медкомиссию.

На следующий день я узнал, что добрая половина на первый взгляд крепких парней комиссию не прошла. И, как ни странно, среди них был и рыжий здоровяк, который все время кричал, что любая комиссия для него – ерунда, и которому многие откровенно завидовали. Такую летно-медицинскую экспертизу мы теперь будем проходить каждый год всю оставшуюся летную жизнь, и каждый раз нас будет оставаться все меньше и меньше. По разным причинам только один из десяти станет выпускником летного училища. А пока прошедшим первое чистилище торжественно объявили, что мы приняты и должны явиться в школу только первого сентября. Домой я летел, как на крыльях. На душе было легко и весело. Сколько радостных событий за один день. Я без пяти минут «спец»! И отныне эта школа будет моей родной семьей. Да здравствует авиация!

До начала занятий оставалось два месяца, и надо было зарабатывать на жизнь. Мы с товарищем по нашим довоенным дворам, Женькой Синицыным, будущим таксистом, нашли работу на одном из заводов по вывозу бревен из леса. С утра бригада из пяти человек, где я был самым хилым, садилась в кузов грузовика с прицепом, который около двух часов грохотал сначала по Московскому тракту, а затем около часа по лесной дороге – на делянку. Поставив наклонные бревна-лаги на платформу грузовика и прицеп, мы, как муравьи, накатывали по ним толстенные, заранее заготовленные и освобожденные от веток ели. Весь процесс занимал часа четыре. Крепили бревна, ломом стягивая их толстой проволокой, забирались на самый верх и двигались обратно. Работа не из легких, но зато целый день на природе. И платили по тем временам неплохо: на эти деньги я купил себе фотоаппарат «Юность» и охотничье ружье, с которым успел съездить на утиную охоту. Расстреляв все патроны и попав в одну-единственную утку, которая упала на середину огромного болота, я из-за отсутствия охотничьей собаки,

рискуя быть засосанным трясинной, достал ее сам. Освежеванная кряква с насованной вовнутрь крапивой по прибытии домой все равно протухла и была отдана нашей вечно голодной дворовой собаке, которая последнее время уже перешла на соседских кур. На том мои охотничьи инстинкты и заглохли.

И вот уже конец августа, последний рейс за лесом, а завтра в школу. Приехали, загрузили и, как назло, полил дождь. Видим, наш шофер проявляет нервозность – думает, как выбраться из глины на тракт. Уже вечер, а наш грузовик все еще елозит по размокшей лесной дороге. Дождь переходит в грозу. Стемнело. При свете молний мы видим, как гнутся стволы елей. Машина завязла. Шофер принимает решение разгрузить машину, чтобы двигаться дальше. Развязываем и раскатываем бревна. Но и это не помогло. Всю ночь протолкав грузовик, изрядно проголодавшись и промокнув до нитки, мы с другом принимаем решение: выходить на Московский тракт самостоятельно, а там – домой на попутной машине. Я уже понимаю, что не успею к началу занятий. Светает, а мы, засунув руки в карманы, все топаем по размытой колее к тракту. Слышу сзади смачный шлепок. Оборачиваюсь и вижу, что Женька лежит в глубокой колее холодной дождевой воды. Так же, не вынимая рук из карманов своих лыжных штанов, он медленно поднимается и без всяких эмоций продолжает шлепать дальше. Из отяжелевших промокших штанов льется грязь. Наконец вышли на тракт, останавливаем какой-то грузовик, шофер, взглянув на наше грязное облачение, показывает рукой на открытый кузов. Холодно. От встречного ветра одежда начала понемногу просыхать и, когда я завалился в шесть утра домой, с мамой чуть не случился обморок. Замерзший до синевы, в мокрых разбитых ботинках, из которых лилась дорожная грязь, я представлял неприглядное зрелище. Однако положение обязывало. Я быстро привел себя в порядок, переоделся в то, что было, натянул старые штиблеты и двинулся в школу.

Мы – «спецы»

Первого сентября, около восьми часов утра мы, будущие спецшкольники, уже толкались у входа в школу. Мимо нас то и дело фланировали прибывшие из летнего лагеря «спецы» и оценивающее поглядывали на новичков. Изредка, в разговоре между собой, у них проскакивало непонятное для нас слово «ратники». Что это такое, мы узнали несколько позже. А сейчас, глядя на них, мы невольно восхищались их бравым видом: загорелые, крепкие, в хорошо пригнанной форме, они казались нам тем эталоном, на который надо равняться.

Выстроеным в шеренги, млеющим от счастья новоиспеченным романтикам вдруг объявили, что завтра все должны прийти в школу подстриженными «под ноль» – таков порядок. Вот те на! Только вчера мы хвастались нашим гражданским сверстникам своим новым статусом, а завтра должны предстать перед ними лысыми. Слоняясь, пока нас не позвали, я опять увидел Юрку и еще одного знакомого из моей прежней гражданской школы – Володю Кускова. Мы решили держаться вместе и отправились в ближайшую парикмахерскую.

Первым на экзекуцию пошел Юрка, а мы наблюдали за ним из-за занавески. В считанные секунды его белокурые волосы, как «с белых яблонь дым», посыпались на пол, и он сразу же стал похож на недозрелую ташкентскую дыню. Но никто уже не хихикал. Через несколько минут трое парней, с натянутыми на лысые головы по уши заранее припасенными кепками, с опаской, словно сбежавшие из тифозного барака, выглядывали из-за угла Пушкинской улицы на улицу Малышева, куда лежал наш дальнейший путь, чтобы незаметно пробраться по домам. Но я все-таки нарвался на моего школьного друга Гену Бокарева, который, содрав с меня кепку, долго хохотал над моим новым обликом. Конечно, я понимал, что его смех был вызван скорее сожалением о том, что наши пути отныне резко расходятся. А ведь мы когда-то мечтали готовиться к поступлению в МГУ на физмат (с нашими-то тройками!). Но такова жизнь...

На следующее утро нас построили в две шеренги во дворе и произвели перекличку. Бригадировых оказалось полторы с лишним сотни. Объявили, что отныне мы учащиеся специальной средней школы Военно-Воздушных Сил, традиции которой мы должны уважать и поддерживать.

Всем нам подсознательно хотелось реализовать стремление всех послевоенных ребят, оставшихся без отцов, вырваться из того порочного круга дворовой шпаны, чтобы принадлежать к узкой группе людей, имеющих общую цель и общего врага. Мне казалось, что только разведчик в стане врагов может принимать самостоятельные решения, но туда по молодости трудно было найти дорогу. Теперь, и пока только по кинофильмам, я знал, что летчик в воздухе, чтобы выполнить задание, тоже принимает самостоятельное решение. Но для этого надо много работать над собой, и мы были к этому готовы.

Структурно спецшкола делилась на три роты: третья рота – новички, вторая – девятый класс, первая – выпускники. Нам представили командира роты. Им оказался старший лейтенант с планшетом и необычным нагрудным значком – Иценко (мы уже заметили его раньше). После переклички началась разбивка на взводы. По взводам распределяли ребят, изучавших в школе один и тот же иностранный язык. Так мы с Юркой попали в один взвод (по-граждански – класс). Командир взвода лейтенант Степанов, высокий блондин с худым и ничего не выражающим лицом, в исключительно пригнанной летной форме, смахивал на Штюбинга из кинофильма «Подвиг разведчика». С первых же дней он повел себя с нами очень сурово, не прощая ни малейшей оплошности. Особенно от него доставалось тем ребятам, которые жили в городе со своими родителями (для иногородних прямо в спецшколе был организован полный интернат). Городские тоже были поставлены на полное питание и кормили нас по тем временам очень хорошо. Мы сидели в уютной столовой по четыре человека за столом, накрытым белой скатертью. За нашим столом сидел отличавшийся особой худобой и хорошим аппетитом Володя Зуев. И когда кому-либо из нас в тарелке с супом попадался малосъедобный кусок мяса, мы молча перекладывали его в тарелку Владимиру, который все это съедал с большим удовольствием.

Питанием в спецшколе заведовал отставной интендант, очень трепетно относившийся к своим обязанностям. К каждому «спецу» он относился как к своему сыну. В кармане его зеленого, с накладными карманами кителя сталинского пошива всегда имелись конфеты-подушечки, которыми иногда он угощал и меня.

После занятий и сытного обеда «городские» отправлялись по домам, а интернатовцы шли на «мертвый час», а потом по расписанию была обязательная самоподготовка. Периодически на самоподготовку оставляли и «городских». Отсутствующих наказывали нарядом вне очереди: дежурством в столовой, мытьем полов, заготовкой угля, подметанием обширной школьной территории – за свободу надо платить. Нам казалось, что ни в одном взводе не объявляли столько нарядов вне очереди, как у нас. Таков был наш командир.

Командир роты был менее суров с нами. Кадровый офицер, человек своеобразный и интересный. Слушая его, мы удивлялись: в каких войсках он только не служил! По его словам, он был и летчиком-наблюдателем, и сапером, и пехотинцем. Был на фронте серьезно ранен в грудь и поэтому ходил как-то одним плечом вперед, враскачку. Особое впечатление на нас производил значок, который украшал его гимнастерку – такого мы не видели больше ни у кого: серебряные крылья с парашютом посередине и какие-то непонятные нам буквы. Потом мы даже выложили этот значок из цветов и подручного материала на клумбе нашего летнего лагеря. Это был значок воздушно-десантных войск, о которых в то время мы знали только понаслышке. Хобби командира роты был мотокружок. В кружке было два мотоцикла, один из них даже с коляской. Этот мотоцикл был почти собственностью командира роты. Ездить на нем он никому не давал, за исключением Юры Котобутдинова (подпольная кличка Кот), который оказался заядлым автомобилистом. Иценко носился на своем мотоцикле по городу, не опасаясь сотру-

ников ГАИ даже после выпитой после бани кружки пива. Видимо, он справедливо полагал, что авиационная форма и планшет на боку являются гарантией от любых случайностей.

Не менее колоритной фигурой был и командир батальона подполковник Махнин. «Спецы» меж собой звали его Махно. Это был мужчина уже в годах, ростом более двух метров, с длинными руками и выпиравшей вперед, как у гренадера, грудью. Любимым его развлечением была ловля курящих в перемену «спецов». Наказание за это неблагоприятное занятие следовало незамедлительно – виновный лишался шевелюры. Другого наказания комбат не признавал. Но это было не единственным его развлечением. Иногда он делал так: утром, когда городские «спецы» приходили в школу, он вставал у входа и взглядом бывшего снайпера пристально всматривался в ширину наших брюк. Если обнаруживал вшитые в брюки клинья (а это был последний «писк» самопальной моды), отправлял таких стилиг в свой кабинет, где вручал им кривой садовый нож и заставлял выпаривать вшитые с таким трудом клинья – брюки снова приобретали первоначальный вид. Можно представить состояние такого бедолаги, когда он выходил из кабинета, хлопая распоротыми штанинами. Просидев с таким дефектом целый день не выходя из класса, сразу после занятий «спец» снова вооружался ножницами и из старых брюк кроил себе новые клинья и на имеющейся в школе, неведомо какими путями туда попавшей старой швейной машинке «Зингер» вставлял их на прежнее место. Мне тоже пришлось однажды пройти через эту позорную экзекуцию, но любовь к клешам у меня не пропала.

Начальника школы мы видели только по большим праздникам. Поглощенный повседневными заботами (а их было немало), он был немногословен и редко выходил из своего кабинета. Авиационный инженер по образованию, военный китель которого украшали многочисленные колодки боевых орденов и медалей, он разумно и мудро руководил огромным хозяйством вверенной ему школы. Персонал школы его уважал, а «спецы» побаивались. Он никогда лично никого не наказывал и воспитывал нас только через своих подчиненных офицеров.

В городе кроме спецшколы ВВС и Суворовского училища была еще Военная школа музыкантов. У каждого заведения были своя зона обитания и свои поклонницы. Даже случайное попадание в чужую зону грозило вооруженным конфликтом с применением ремней с пряжками. И когда в помещение казармы вбегал взъерошенный «спец» с сообщением о появлении на «спецбульваре» группы «Суриков» или «духоперов», все дружно срывались на подмогу. На следующее утро при построении роты, не требуя объяснений старшины, командир по синякам на наших лицах видел степень издержек битвы за территорию: «Старшина! Глаза, руки, ноги целы?» – «Целы, товарищ командир!» – «Разойдись!»... Каждому человеку в жизни отпущена своя мера трудностей, преодоление которых во многом и формирует характер. На древнем инстинкте защиты своей территории формировался будущий характер защитника Отечества.

«Ратники»

Уже вскоре мы узнали, что мы еще не «спецы», а всего лишь «ратники». «Ратниками» называли тех, кто обучался в спецшколе первый год и еще не прошел «крещения». Процедура «крещения» происходила после окончания учебного года, в летних лагерях. Она заключалась в сбрасывании «ратника» с пятиметровой вышки в пруд. Только после этого «ратник» получал статус «спеца». Но об этом потом, если у тебя, мой читатель, хватит терпения прочитать это житие.

Итак, учеба в спецшколе началась. Я сразу забил постоянное место на предпоследней парте, в левом ряду, вместе с высоким скуластым парнем. С его добродушного лица не сходила улыбка, от которой по углам рта образовались глубокие складки. Это был Володя Кусков. Первые дни в школе мы знакомились друг с другом, с нашими новыми преподавателями, привыкали к новой для нас жизни.

Преподавательский коллектив состоял из людей опытных и знающих свой предмет. Особенно колоритной фигурой был учитель математики Никанор Иванович Рязанцев. Чудесный человек и замечательный педагог. Все «спецы» его очень уважали. Это был единственный преподаватель, у которого двойку было получить гораздо труднее, чем тройку. Никанор Иванович умел вытряхнуть из незадачливого ученика (уже готового получить двойку и не мучиться больше) мельчайшие крупички знаний, которые каким-то образом задержались в его голове. Было смешно и одновременно страшно смотреть, как маялся у доски, решая какую-нибудь задачку, этот бедолага. А Никанор Иванович в это время прохаживался вдоль крайнего ряда парт, скрестив пальцы рук на большом животе и иногда покрикивая на подсказчиков. Выбив таким образом из вспотевшего ученика все, что тот знал, Никанор Иванович глубоко вздыхал и говорил: «Садись на место, бездельник!» – и... ставил тройку. А если Никанор Иванович ставил тройку, значит какая-то надежда у бездельника оставалась. А вот когда мокрый и красный от натуги ученик ничего вразумительного сказать не мог, как ни выкручивал его наш учитель, тогда он получал двойку. Но такие случаи были крайне редки.

Преподавателем русского языка и литературы была Васса Николаевна Казанцева. Замечательный педагог, несмотря на молодость, – ей было лет двадцать пять, – и прекрасный человек. Она до самозабвения любила и очень хорошо знала свой предмет, рассказывала интересно, просто и понятно. С ней легко было разговаривать на любую тему. Она старалась привить нам любовь как к произведениям классиков, так и к современным писателям и поэтам. Иногда она вела с нами беседы, казалось бы, на отвлеченные темы: рассказывала о театральных постановках, кинофильмах, филармонических концертах. По нашей молодости и невежеству мы были еще далеки от всего этого, но с интересом и жадностью впитывали в себя эти новые знания. Однако, как ни легко было с ней разговаривать, отвечать у доски было не так-то просто. Васса Николаевна задавала иногда такие вопросы, которые, казалось, не относились напрямую к изучаемой теме, а на самом деле были тесно связаны с ней. И здесь все зависело от сообразительности ученика. Она поощряла в нас самостоятельность, умение мыслить, высказывать и отстаивать свое мнение. Настоящий патриот своего дела, она самоотверженно заботилась о формировании наших еще неокрепших душ. «Я родился во тьме, но люблю свет», – спасибо тебе, наш любимый учитель, ты сделала нас способными отличить зерно от плевел.

Кабинетом физики заведовал Розенберг – круглолицый, розовощекий, довольно веселый мужчина. Предмет свой он знал великолепно и новый материал объяснял доходчиво и эмоционально; втолковывая нам законы физики, увлекался сам и увлекал нас. Как слон, бегая по саванне, машет своими огромными ушами для охлаждения тела, так и наш «ядерщик»: каждый раз по мере объяснения нового материала он, ускоряя темп хождения вдоль классной доски, постепенно расстегивал железные пуговицы на своем военном кителе, затем снимал галстук, расстегивал воротничок и засучивал рукава. Вызывая к доске ученика решать какую-нибудь задачу, он клал указательный палец на свой нос, наклонял лысую, с оставшимися клочками ботвы, голову набок и из этого сооружения, как из дота, очень внимательно следил за ходом ее решения. И стоило тому допустить малейшую ошибку или на минуту задуматься, как разочарованный преподаватель тут же объявлял: «Садитесь! Не знаете! Два, два, два!» Ошарашенный ученик с позором садился на свое место. Уже много позже мы поняли, что, видимо, таким образом преподаватель заранее готовил будущих летчиков к быстрому принятию правильного решения, ибо в летном деле «промедление смерти подобно».

У преподавателя основ дарвинизма был свой любимый «конек». Почему-то из всех обитающих на Земле животных он больше всех любил обезьян, а особенно неравнодушен был к гиббону. Разглядывая нас сквозь линзы своих очков, он так подробно объяснял повадки этого человекообразного, что временами мы видели в нем себя. Мы его так и прозвали – Гиббон. В классе у него было много наглядных пособий, но особенно Гиббон дорожил скелетом человека, запрещая нам даже прикасаться к нему. Но разве для нас существовало что-нибудь запретное?

И скелету доставалось. То его, несчастного, кто-то щелкнет по черепу, то похлопает по челюстям, а то и руку пожмет. А однажды его ухитрились вооружить шваброй, которая в момент открывания шкафа неожиданно вывалилась на нашего Гиббона.

Прошла уже неделя занятий, а мы, сверкая бритыми головами, все еще ходили в своей гражданской одежде. Но вот, наконец, поступила долгожданная команда идти на склад. Форма оказалась размеров приблизительных: кому-то длинны брюки и коротка гимнастерка, кому-то наоборот. Но ребята не растерялись – тут же произошел взаимообмен, и все остались довольны. Главное – форма! Теперь мы в городе фигуры заметные. Посторонись, прохожий!

На следующее утро все явились в отглаженной и пригнанной по фигуре форме. Лица сияли от радости. Наголо обритых голов уже никто не замечал – их прикрывали синие, с голубым кантом, летные пилотки. Правда, по сравнению со «спецами» первой и второй рот мы выглядели не так блестяще. Дело в том, что наша форма уже была в употреблении, наверное, сезона три-четыре – старая, выгоревшая и застиранная. А ученики старших рот получали, как правило, новую форму. Но нас это не волновало. Придет время, и у нас тоже будет новая форма. Таков порядок, и мы это понимали. Нужно было сначала научиться носить то, что дают. А это оказалось непростой наукой. Но этого мало. Чтобы тебя уважали твои сверстники, надо было еще что-нибудь заработать «на грудь». У всех «спецов» были значки спортивных разрядов, полученные ими на городских и областных соревнованиях, где наши ребята всегда показывали высокие результаты. Особенно в моде были гимнастика, акробатика, бег, плавание, бокс, хоккей и лыжи. В спецшколе было два преподавателя физкультуры. Они сразу взялись за нас. Кому-то порекомендовали заняться гимнастикой, кому-то – боксом. Многих направили в спортивные секции окружного Дома офицеров. А поскольку я с моим школьным другом Геннадием Бокаревым уже год занимался в секции бокса, то для меня проблемы выбора не существовало. И до тех пор, пока мы чему-то не научились, слово «ратник» не сходило с уст старых «спецов». Они не стеснялись за нашу серость и неповоротливость иногда дать кому-нибудь и подзатыльник. Но «дедовщины» в современном понимании этого слова не существовало. От армии тогда еще никто «не косил». Бывших «зеков», которые потом и притащили в нее свои порядки, в защитники Отечества еще на улицах не отлавливали. Среди нас тоже были здоровяки и забияки, которые могли хорошо ответить. После нескольких стычек, последнее слово в которых всегда было за старшими, оплеухи и тычки прекратились. Нам просто давали понять, что «спецов» из нас еще надо делать. Так и жили мы рядовой ратью, выполняя всю черновую работу: пилили, кололи, грузили и таскали уголь, чистили и мыли туалеты, выносили из столовой отходы. Но никто никогда не роптал, ибо знали, что «через тернии лежит путь к звездам».

Распорядок дня в спецшколе был установлен еще со дня ее основания. В восемь утра завтрак и до четырнадцати часов учеба, потом обед и час отдыха, затем самоподготовка к урокам на завтра и свободное время – спортивные секции, чтение книг и прочие занятия. Так незаметно прожили мы до дня Красной Армии (так она тогда называлась). На парад войск «ратников» еще не пускали – нужно было пройти соответствующую строевую подготовку. В этот день в спецшколе традиционно устраивался праздничный бал. Мы, «ратники», присутствовали на нем впервые. Это был не просто вечер танцев. Каждый «спец» приглашал знакомую девушку по выдаваемому ему пригласительному билету.

И это делалось специально, ибо отбоя от желающих туда попасть не было. Наряду дневальных у входных дверей приходилось сдерживать толпу девчонок, пытающихся взять вход приступом. Почти у всех «спецов» уже были подружки из разных школ, так как они неоднократно приглашались ими на их школьные вечера и пользовались славой отменных танцоров. Ну а мы, новички, почти не имели знакомых барышень, однако билеты были и у нас. То, что в спецшколе бал, знал весь город, и «ничейные» девчонки толкались перед входом в школу в надежде на чей-нибудь свободный билетик. И когда какой-то «ратник» выходил из школы и поднимал над головой свой билет, его просто разрывали на части. Я тоже торчал у входа в жи-

дании моей первой симпатии – Риммочки Сысоевой, но она не появлялась. Видимо, как я тогда думал, она считала ниже своего достоинства прийти без официального приглашения. Чувство собственного достоинства этой кудрявой, красивой и умной девочки с отточенной фигуркой превалировало над естественным желанием потанцевать под запрещенную джазовую музыку, которая так импонировала энергии нашей молодости и звучала только у нас. Уже и этим она еще тогда завоевала мое сердце, с ней были связаны мои надежды.

Спецшкола сияла огнями. Сияли и «спецы». Новые кители, отутюженные «клеши», зеркальный блеск паркета, ботинок, кожаных ремней и погон. И среди этого великолепия яркость и пестрота праздничных нарядов приглашенных из женских школ девчонок придавали особую окраску и значение происходящему. А по углам просторного танцевального зала спецшколы толкались неотесанные «ратники», своим присутствием как бы подчеркивая разницу между ними и настоящими «спецами». Одного взгляда было достаточно, чтобы отличить нашего брата от «спеца» – коротенький ежик только что отросших волос, потертый китель с чужого плеча, брюки пока еще дудочкой и кирзовые ботинки. Но все было продумано. Любую форму надо заслужить и уметь носить. И нам предлагалось проявить свои способности в шитье, утюжке и чистке обуви. Совсем скоро мы в совершенстве овладели этим искусством, и сегодня по умению носить форму можно с первого взгляда отличить бывшего «спеца». А пока мы старались принять независимый вид и не смотреть на лихо танцующие пары. Мы еще только-только познавали азы танцевального искусства на уроках бальных танцев в Доме офицеров.

Танго, фокстроты, блюзы, румбы, вальс-бостон – все это было у нас еще впереди. А сейчас танцевали наши старшие товарищи, и танцевали так, как не умели этого делать наши сверстники в других школах. Это как магнитом притягивало девушек на наши вечера. Не последнюю роль здесь играла и особая, сдержанная манера поведения, умение общаться, галантность и вежливость в обращении, военная выправка – форма обязывала!

На наши вечера приходили также и выпускники военных училищ, находящиеся в отпуске, – молодые офицеры из строевых частей ВВС. Безупречная выправка и умение носить офицерскую форму с золоченым кортиком вызывали всеобщее восхищение. Но с какой грустью они смотрели на нас, беззаботно веселящихся юнцов. Потом, попав, как и они, в переполненные аэроклубовцами школы первоначального обучения летчиков, которые были разбросаны по закоулкам России, мы не раз вспоминали их снисходительное отношение к нам и фразу: «Спецуха – это авиационный рай на земле». А пока мы веселились и наслаждались нашей молодостью. На сцене чинно, как у Эдди Рознера, восседал доморощенный джаз-оркестр, на вершине которого выше всех сидел ударник – Володя Новоселов. «Спецы», насмотревшись только что прорвавшихся на наши экраны трофейных немецких и американских фильмов, выделявали сногшибательные кренделя с ученицами женских школ, содержащимися в строгости, которой позавидовали бы настоятельницы монастырей. Но вот джаз объявляет перерыв, и «ратнику», запертому в кинобудке, дают сигнал – зал погружается в звуки танго из кинофильма «Серенада солнечной долины» в исполнении джаза Глена Миллера. Объявляется «белый» танец. «Спецы», как по команде, оставляют своих партнерш, дабы дать им свободу выбора, и собираются небольшими группами, чтобы поделиться впечатлениями. Но каждый с интересом следит за своей партнершей. Наиболее активные барышни тут же приглашают приглянувшихся им кавалеров, не поборовшие же свою скромность начинают усиленно демонстрировать независимость и болтать с подругами. Вот тут-то не зевай! У стен остались самые симпатичные и знающие себе цену девчонки, и многоопытные «спецы», не поддавшись на случайные приглашения, с гусарским поклоном и щелчком каблуков выбирают достойных. Весь остальной вечер они ни на шаг не отпускают их от себя.

Но что-то уж очень быстро стал гаснуть свет, а мы только-только созрели для приглашений. Объявляется последний танец. Кажется, мы не успели толком и осмотреться. Вот и конец бала. Школа пустеет. Мы с завистью наблюдаем, как наши старшие товарищи в гардеробе

помогают одеться своим подругам и уходят их провожать. А мы, «ратники», так и не успев ни с кем познакомиться, идем приводить в порядок помещение. Утром, к началу занятий школа должна блестеть.

Воспоминания, связанные с нашим первым балом, остались на всю жизнь. Учеба шла своим чередом. Вместе с Юрой мы записались в авиамodelьный кружок и стали изучать основы аэродинамики. Из «ратников» нас было только двое, но приняли нас, как родных, – поделились инструментом, материалом, клеем, дали схемы моделей и помогли в их изготовлении. Работа закипела. В конце мая наш кружок должен был выступить на городских соревнованиях. Трудились мы в основном после уроков – тисочки, надфили, шпангоуты и нервюры всегда лежали в портфеле вместе с тетрадками и учебниками по алгебре и литературе. Но иногда скрип напильника раздавался и во время урока (чаще всего – английского). Преподавательница подозрительно посматривала в нашу сторону, но нам до поры до времени удавалось ее обманывать. Но однажды мы так увлеклись, что не заметили, как англичанка (партийная кличка, из-за ее грузного вида – Атомная бомба) тихо, как «Титаник» к айсбергу, подплыла к нашей парте. Не успев спрятать инструмент, мы покорно ждали столкновения. Но вопреки ее характеру, она молча указала на дверь, и мы, не дав ей раскрыть рот, пробкой вылетели из класса. Скрываясь от начальства, побродили по туалетам и к концу урока мы торчали уже возле класса. Около дверей на подставке с роликами стоял тяжелый авиационный двигатель. Мы переглянулись и поняли друг друга без слов. Нам потребовались буквально секунды, чтобы сдвинуть его с места и подпереть им дверь. Звенит звонок... Изнутри ломались добрых пять-семь минут, пока не подошли ребята из соседнего класса и вместе с нами не отодвинули двигатель.

Подходил к концу первый учебный год. В авиамodelьном кружке все было готово к предстоящим вскоре соревнованиям. Однажды кто-то принес в кружок пневматическое ружье и подходящую по калибру дробь. И... как будто проснулся инстинкт будущих истребителей – мы вообразили себя в воздушном бою. Началась несусветная пальба по своим же моделям. Лучших мишеней нельзя было и придумать. Когда кончилась дробь, мы просто ахнули, увидев, что мы натворили. Специальная бумага, которой были оклеены наши модели, была изрешечена и висела клочьями. Нервюры, стрингеры и шпангоуты были перебиты и основательно повреждены. А до соревнований оставалось чуть более двух недель. То, над чем мы трудились почти год, надо было срочно восстанавливать... И мы это сделали.

Летние лагеря

Вот и закончился учебный год. Впереди нас ожидал летний лагерь – целых полтора месяца неизвестной нам вольной лагерной жизни. В десятых числах июня нас построили, пересчитали, проверили снаряжение и разместили по автобусам. После часа езды перед нами открылась чудесная панорама. Прямо впереди – невысокие, заросшие лесом холмы, слева – редкий лесок с кустарником, посреди – крупнейший пруд, противоположный берег был еле виден. По берегам пруда были разбросаны пионерские лагеря, в том числе суворовцев и наш. От зеркальной воды несло прохладой. Невдалеке виднелась плотина, две спортплощадки, какие-то спортивные сооружения, пляж с вышкой для прыжков. Въехали в лагерь. По обеим сторонам длинной, засыпанной чистым песком дорожки стояли в ряд большие зеленые палатки, за ними высокие ели. По номеру отыскивали свою палатку. Внутри пахло свежей еловой смолой. По бокам были устроены два ряда длинных деревянных нар, посредине стоял стол. Каждый получил постельное белье и мешок для матраца, который предстояло набить заранее приготовленным душистым сеном. Мы с Юрой и Володей нашли себе место в углу у окна, устроились и отправились на пляж искупаться. Но вот горн дневального оповестил о сборе. Нас построили, рассказали о распорядке дня.

Началась наша лагерная жизнь. Кроме предусмотренных расписанием дня занятий в лагере часто организовывались различные спортивные мероприятия – военизированные эстафеты, сдача норм ГТО, соревнования по плаванию и другим летним видам спорта. Конечно, любимым было плавание. За каких-нибудь полторы недели мы физически окрепли, брови и волосы выгорели, а тело почернело от загара. Вскоре, как нам показалось, начальство тоже охладело к занятиям, проводило их все реже и реже, а больше времени посвящало купанию и катанию на лодках. Недалеко от нашего лагеря находился лагерь суворовцев. В то время как мы, раскинувшись на песке, подставляли свои тела лучам солнца, они строем, с полной выкладкой (карабин, противогаз, скатка шинели, саперная лопатка, а иногда и каска), совершали форсированные марш-броски километров по пятнадцать-двадцать. С какой завистью они смотрели на нас! Однажды, чтобы жизнь не казалась малиной, и нам устроили такой марш-бросок, во время которого некоторые до кровавых мозолей стерли ноги и еле доковыляли обратно, а после этого еще неделю зализывали свои раны. «Авиация – не пехота, а дорогостоящая элита армии, которую надо беречь для точных, решительных и самоотверженных атак», – наивно полагали мы.

В лагере продолжал работу мотокружок. А так как Кот исправно следил за смазкой вверенного ему мотоцикла, то ходил в любимчиках у Иценко и всегда имел возможность покататься на нем. Он часто носился по лесным дорогам, посадив в коляску и на заднее сидение всех, кто мог за что-нибудь зацепиться. Но однажды прямо на глазах командира роты он чуть не перевернул мотоцикл вместе с пассажирами, после чего был лишен всех своих прав и привилегий. Тогда Кот переключился на машину командира батальона. У Махно был старый трофейный «мерседес-бенц». Кот часто, по собственной инициативе, возился с ним, подтягивал болты, копался в моторе, менял масло. Постепенно войдя в доверие как опытный механик, он частенько получал ключ от зажигания у самого Махно. Но кататься одному на такой шикарной машине, без зрителей, было неинтересно. И, посадив однажды в четырехместный «бенц» ползвода, словно пилот авторалли, надавил до упора на педаль газа и помчался по ухабистой дороге. Но на одном из крутых поворотов не вписался в него и вылетел в кювет, оторвав при этом выхлопную трубу. И все это произошло на глазах у появившегося неизвестно откуда самого Махно. Естественно, Кота к машине больше не допускали.

Вскоре в наш взвод прибыл для прохождения практики в должности помощника командира взвода сержант – будущий младший авиаспециалист. Среднего роста, худощавый, белобрысый, с глазами неопределенного цвета. И характер у него был прескверный. Получив над нами предоставленную ему воинским уставом власть, он стал использовать ее по своему понятию. Командир взвода лейтенант Степанов не желал ни в чем разбираться и во всем доверился своему новому помощнику. Наряды вне очереди сыпались один за другим. А это значило, что пришлось корчевать огромные пни, которые торчали по обе стороны центральной линейки лагеря. Мы обливались потом, орудуя киркой и лопаткой, а наш сержант, покуривая свою вонючую самокрутку, еще и отпускал разные шуточки в наш адрес. Вскоре нашему терпению пришел конец, и мы решили напомнить ему, с кем он имеет дело. Напрягая воображение, мы долго придумывали способы мести... Придумали. После каждого отбоя, при шевелении сержанта на своей железной койке на него то внезапно падала подвинутая нами на самый край полки банка с цветами, то из открытого окна палатки влетал на кровать старый, найденный на помойке башмак.

Но выдержке сержанта надо было отдать должное. Он стойко переносил все тяготы и лишения воинской службы, и только все более жестоко наказывал нас – заставлял хоронить каждый найденный на территории окурков, отлавливал запоздавших к отбою и пристраивал их с киркой и лопатой к корчевке пней. Когда строем рота шла в столовую, а штрафники корчевали очередной пенек, рота вдруг дружно запевала: «Пусть за нас работает медведь. У него четыре лапы. Вот ему кирка, лопата – пусть работает, пока не околеет». Война продолжалась вплоть

до нашего отъезда из лагеря. Характер – это такая данность: его можно сломать, но нельзя изменить. На следующий год к нам прислали на стажировку уже другого сержанта – видимо, усвоившего опыт предыдущего, а потому и покладистого. Эксперимент не прошел даром.

«Крещение»

Примерно к середине лета, когда в занятиях наступило относительное затишье, – мы занимались лишь плаванием, совершали вечерние прогулки, пели под гитару, а в дождливые вечера сидели в палатках и резвились, колотя друг друга шинельными скатками, – в палатках «спецов» вовсю шла подготовительная работа по организации традиционного ритуала «крещения "ратников"». Так называлось посвящение в «спецы». Наши командиры этому не препятствовали. Мы уже знали, в чем оно состояло. Не знали только, когда это произойдет – «спецы» держали все в глубокой тайне. И вот однажды в одно из воскресений, когда все «ратники» находились в лагере, нам объявили, что все мы должны выйти на пляж. Всегда готовы! Там нас уже поджидала вся «спецовская» братия. С криками, смехом и улюлюканьем они кинулись на нас, как туземцы племени Тумба-Юмба на пришельцев. Каждого «ратника», как есть – в брюках и гимнастерке, подхватывали за руки и за ноги и с нескрываемым чувством радости, как людоед, получивший свою добычу, затаскивали на пятиметровую вышку для прыжков в воду. Медленно раскачивали и бросали вниз на волю случая. Тех, кто начинал упираться, кидали с «выдержкой» – брали за ноги и опускали головой вниз. Подержав так секунд двадцать, до тех пор, пока «ратник» переставал трепыхаться, отпускали. А тех, кто продолжал дергаться, при раскачке и перед тем, как бросить с вышки, в последний момент придерживали за одну ногу. Бедный «ратник» терял центр тяжести, а затем беспорядочно кувыркался с пятиметровой высоты в пучину вод. Надо было видеть, как он, мокрый и бледный, с выпученными глазами выныривал из воды. Но уже через минуту на его лице появлялись уверенность и понимание того, что с этой минуты он тоже «спец». Очухавшись, он тут же помогал тащить на вышку упирающегося всеми силами однокашника и принимал активное участие в его «крещении». Конечно, приятного в этой процедуре было мало, но никто не роптал. Однако веселье было всеобщим – на берегу от такого зрелища покатывались от смеха даже те, кто только что вылез из воды. Прыгать с вышки я не умел и при сдаче норм ГТО применял тактику «собачьей выдержки». Она заключалась в том, что, стоя на краю доски, перед прыжком нужно было поднять руки вверх, напрячь все мышцы тела и медленно валиться вниз. И если во время падения выдержка не подведет и ноги не согнешь, то вход в воду свечей обеспечен, а значит – зачет. И когда меня раскачали и бросили, я принял это положение и в воду вошел прямо, как палка, опомнившись только тогда, когда моя голова полностью ушла в ил. Еле выдержнув ее, как водяной, весь в иле и водорослях, хорошо нахлебавшись, я появился на поверхности. А на меня уже летел кто-то следующий. Так состоялось наше «крещение». Отныне мы навсегда распрощались со званием «ратника» и стали полноправными «спецами». На следующий год нам самим предстояло крестить наших младших товарищей. Вскоре лагерный сезон подошел к концу, и нас отправили домой на каникулы.

После летних отпусков мы еще долго делились впечатлениями о времени, проведенном в лагере. В начале октября помимо занятий началась усиленная строевая подготовка и изучение строевого Устава – спецшкола готовились к участию в военном параде 7 ноября. В это время командующим Уральским военным округом был выдвинутый подальше от матушки-Москвы Маршал Советского Союза Георгий Константинович Жуков. Со свойственной ему твердостью он наводил в своем округе жесткие порядки, вплоть до того, что заставил всех без исключения генералов сдавать зачеты по упражнениям на перекладине. Как говорят, офицерский состав выражал недовольство, но регулярно посещал спортивные занятия, ибо авторитет и крутой нрав этого маршала были известны не только в Союзе. Парад принимать будет лично

он, а от этого зависела судьба многих. И так, пыль на нашем плацу никогда не ложилась. Мы все лучше и лучше чувствовали строй и, как положено по Уставу строевой службы, наконец начали просматривать «грудь четвертого человека». Заместитель начальника спецшколы по строевой подготовке подполковник Махнин с высоты своего двухметрового роста внимательно следил за тем, чтобы роты в сто человек четко выполняли команды офицеров. Квадрат «десять на десять» должен был двигаться как один человек. Если смотреть на него по диагонали, все фуражки должны быть выстроены в прямую линию и не прыгать. Шеренга по десять должна осуществлять поворот направо или налево, не ломая прямой линии. А по команде: «Равнение направо!» все одновременно поворачивали головы и переходили на строевой шаг, прижимали руки по швам, но движение продолжалось по прямой. И, чтобы чувствовать движение рядом стоящих, «спецы», по старой традиции юнкеров, брались мизинцами рук друг за друга и на один уровень поднимали свои штиблеты. Малейшая ошибка – и процедура повторялась вновь и вновь. Если кто-то подумает, что муштра – удел «солдафона», то он ошибается. Чувство строя дается только тренировкой. Потом, в строю реактивных бомбардировщиков, идущих со скоростью 600 километров в час, приходилось с креном до тридцати градусов по команде ведущего выполнять разворот всем вместе. И, когда идешь «крыло в крыло», а рядом, вверху, висит огромная машина твоего товарища, способная из-за одного неточного движения пилота мгновенно обрушиться на тебя, а ты, устремив свой взгляд только на ведущего, не сможешь этого заметить, только тогда по-настоящему понимаешь значение строевой подготовки, даже на земле.

Так продолжалось изо дня в день, до самой генеральной репетиции парада войск на центральной площади города. Генеральная репетиция парада, чтобы не мешать городу, проводилась ночью. Открывали парад суворовцы и «спецы».

После первого прохода выдавалась оценка самим маршалом. С первого раза мы прошли даже лучше суворовцев, о чем сообщил нам сияющий Махно. На следующий день, чтобы выспаться перед парадом, нам дали выходной. Где уж там! Несмотря на первую бессонную ночь, в десять утра мы все собрались на «спецбульваре». Обменялись впечатлениями и решили двинуть в кино на «Лисы Аляски», где впервые увидели жизнь и работу американских летчиков на военной базе во льдах. Особо поразил нас их устроенный быт: бар, полный напитков, игра на трубе одного из героев и полное пренебрежение к опасностям в полете. Тогда же впервые мы увидели, как пилот, прежде чем сесть в свой самолет, смотрел в какой-то листок – карту обязательных проверок – и пункт за пунктом проверял по ней готовность техники. Такие карты проверок в нашей авиации мы увидели только лет через десять – сотни операций проводились на память и «на глазок». Естественно, после длительной беготни по службам, обеспечивающим полет, что-нибудь да забывалось: заглушки в двигателях, на приемниках замера скоростного напора набегающего потока воздуха, дающих питание приборам скорости, трубки на элеронах и плоскостях рулей. Все это приводило к вынужденным посадкам сразу после взлета, а иногда и к более серьезным последствиям. Однако я отвлекся, а «спецы» на площади уже слышат команду: «Парад, смирно! К торжественному маршу, по-ротно, дистанция одного линейного, первая рота прямо, остальные – направо! Шагом марш!» – Грянул сводный духовой оркестр – с соседних зданий посыпались дремлющие голуби. Я так усердно шлепал по закатанной булыжником площади, что у меня в самый неподходящий момент развязался шнурок на ботинке. Только чтоб не наступили – завязывать его уже было поздно. На параде мы снова прошли лучше всех, что и завершили очередным праздничным балом, и кое-кто из бывших «ратников» появился уже со своей подругой.

Последующее время обучения прошло как-то быстро и очень активно. Мы старались не отставать и от культурной жизни нашего города – доставали билеты на гастроли джаза Леонида Утесова, Эдди Рознера, Александра Вертинского и Вадима Козина, которого дальше Урала почему-то не пускали, – тех, чьи пластинки еще в гражданской школе мы затирали до дыр.

Единственный концерт джаза Утесова состоялся в помещении Оперного театра. Цена билета по тем временам была фантастически высокая – пять рублей.

Не сумевшие достать билеты сорвали входную дверь, что было впервые в истории существования театра. В городе был Театр музыкальной комедии, где великие актеры Маренич и Евдокимова, Дыбчо, Коринтелли, Сытник, Виноградова, Сотосова и другие показывали прекрасные образцы этого легкого музыкального жанра. Со своим другом Геннадием мы не пропускали ни одной премьеры – билеты на галерку стоили копейки. Особое влияние на нас оказали первые американские фильмы с замечательными голливудскими актерами. Речь за кадром шла на английском языке, а внизу экрана быстро шли титры на русском, которые мы иногда даже не успевали прочитать. Но смысл ухватывали сразу. Эти фильмы никогда не шли в центральных кинотеатрах, а только в Домах культуры имени Горького и железнодорожников. Короткое название и внизу приписка: «Взят в качестве трофея». Фильмы «Долина гнева», «Судьба солдата в Америке», «Роз-Мари», «Сети шпионажа», «Мост Ватерлоо», «В джазе только девушки», «У стен Малопаги» и многие другие мы смотрели по несколько раз. Мы старались подражать поступкам этих героев, всегда доводивших любое дело до конца, учились джентльменскому отношению к женщине, постигали науку не терять чувства собственного достоинства в любых ситуациях, за что впоследствии и были неоднократно биты. Слабый ветер свободы «шестидесятников», доносившийся из Москвы, долетал и до нас: появились стихи Роберта Рождественского, Евгения Евтушенко, песни Булата Окуджавы, Владимира Высоцкого.

Почему-то в нашей «спецовской» среде особенно прижился фильм «Подвиг разведчика» с Кадочниковым и Мартинсоном в главных ролях. Реплики их мы знали наизусть. На любой вопрос был ответ: «Вы болван, Штюбинг, завтра ваша щетина по мановению волшебной палочки превратится в золото» или: «Там, где стоит солдат райха, он стоит твердо!». Мы и внешне старались подражать героям этого фильма. Мы были дети войны, и для нас разведчики были героями нашего времени.

Не теряли связи и со своими старыми друзьями из гражданских школ, регулярно посещали их вечеринки, устраиваемые на дому, где вместе слушали старые пластинки Шульженко, Сокольского и Лещенко, джазы Утесова и Варламова. У меня был и останется до конца дней моих самый верный и преданный друг – Геннадий Бокарев. Еще в гражданской школе мы нашли общий язык и между нами быстро установились теплые дружеские отношения, которые, несмотря на расстояния, мы бережем до сего дня. Он всегда отличался искренней доброжелательностью к людям, особым стремлением к знаниям. Тренируя свою память, он запоминал все, что читал и видел, обладал образным мышлением, знал имена всех актеров тех зарубежных фильмов, которые нам удалось посмотреть, хорошо играл на гитаре и пел. Отслужив в армии и постреляв в Венгрии, он окончил ВГИК. Когда в журнале «Юность» была напечатана первая повесть Геннадия «Мы», наша компания узнала в его героях себя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.